

18+

ЛИЗА ШМИДТ

ПОКО А ПОКО

Лиза Шмидт

Поко а поко

«Издательские решения»

Шмидт Л.

Поко а поко / Л. Шмидт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511990-2

Жил в Петербурге скромный, но гениальный виолончелист Яша, окруженный знакомыми, родственниками и коллегами, нелепо втиснутый в мир околочультурного бомонда и тяготящийся своим еврейским происхождением. С ним произошла самая большая в жизни неприятность: он влюбился. Что же теперь делать? Как выпутаться из этой ситуации с минимальными потерями? Это история не о любви. О трудностях, с которыми приходится бороться из-за любви? Быть может. О дружбе, преданности и человечности? Немаловероятно.

ISBN 978-5-00-511990-2

© Шмидт Л.
© Издательские решения

Содержание

Прелюдия	6
Исчезающие евреи	8
Живые евреи	9
Когда	10
Мёртвые евреи	12
Дворник жил. Дворник жив. Дворник будет жить	14
Совершенство случайности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Поко а поко

Лиза Шмидт

© Лиза Шмидт, 2020

ISBN 978-5-0051-1990-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Росо а росо (итал.) – мало-помалу, постепенно, сокращённо р.а.р.; ставится перед музыкальным термином, когда последний надо применить не сразу, а постепенно, напр. р.а.р. accelerando – мало-помалу ускоряя.

Прелюдия

Жил-был в Петербурге еврей. Классический случай!

Петербург ещё был Ленинградом (хотя уже был переименован обратно в Санкт-Петербург), и в гущах аллей скрывал осквернённые монументы вождям, разлагающихся под дождями гипсовых пионеров с отколотыми носами и ленинский броневичок. Еврей не обращал на это никакого внимания и всей душой надеялся на то, что теперь живёт в Петербурге.

Жил еврей, как и положено было жить всем приличным людям, на Аптекарском острове, боялся сквозняков и ветра, затяжных дождей (поскольку на потолке в правом углу появлялись недюжинные подтёки, по форме похожие то на Африку, то на США, то на архипелаг Гавайских островов, но особенно часто – на Францию). Боялся промочить ботинки, боялся быть обрызганным подъезжающим к остановке троллейбусом. Больше всего боялся простудить виолончель и укутывал ее в старую шаль тёти Риты. Проще говоря, жил в Петербурге один еврей, который всего на свете боялся.

Он был красив: карие глаза в черной кайме ресниц, густые черные брови и губы уголками вниз. Походил на драматических актеров немого кино, которые в кадре трагически падают на диваны и заламывают руки.

Но его театральная красота, несколько похожая на грим, настолько не вязалась с его поведением, что красоты в нём никто не замечал.

Он был суетлив, постоянно жестикублировал и напоминал запятую, поставленную как-то втропях. Смешной такой и весёлый.

Его звали Яков Шпильман.

Шпильман из тех самых, немецких Шпильманов.

Нет, даже лучше так: Шшшпийииильмаан, из тех саааамых, немеееецких Шшшпийииильманооов.

Он даже иногда вставал перед зеркалом и, как-то бойко задрал голову, поправлял концертную бабочку.

На самом деле его, конечно, звали просто «Яша» или просто «Шпильман». Чаше «эй, Шпильман». А иногда «жид». Но в основном, «Яшенька, дорогой» или «Яшенька, не забудь надеть шарф».

Жил он в тесной комнатке глубоко во дворах, в верхних коммунальных этажах, в мглистых стенах с повывавшими виды обоями, с нескончаемыми шкапами и полками, где классическая литература, часто целыми собраниями сочинений, как семьями, соседствовала с чашками из перебитых за много лет чайных и кофейных сервизов. Жил и жил, выходил с утра за газетой к почтовому ящику. Вечером заваривал слабенький чай. Слушал, как водопроводные трубы заливались руладами, особенно по ночам, когда и так невозможно было уснуть из-за наваждения белых ночей. Спал под верблюжьим пледом из облезлого верблюда. Пледу было столько лет, сколько верблюды не живут, и потому в те дни, когда отопления еще не включали, а мороз крепчал, сон не шел, шла музыка. Сквозила из щербатых плохо заклеенных окон, звенела звездами, пела ветрами, струилась ливнями, наплывала туманами.

Однако это была своя, совсем своя, отдельная комната! Без тётиритиных «надеть шарф» и дядиных очков, оставленных в самых неожиданных местах.

Комната принадлежала ранее какой-то многоюродной яшиной бабушке и досталась ему в наследство в результате долгого и, в основном, безрезультатного хождения по похоронам.

Первое, что увидели Яша, тётя Рита и дядя Лева, когда открыли дверь комнатки – было фатальным падением огромной хрустальной люстры вместе с куском потолка.

Тётя вскрикнула как школьница, после чего, глядя на оседающее облако извёстки, смогла потрясенно выдавить лишь:

– Яшенька, кажется, здесь нужен небольшой ремонт.

Если бы та бабушка не умерла от инсульта, ее бы убило люстрой.

Яша находил хрустальные осколки на полу изо дня в день. Они норовили впиться в пятку в тот самый редкий момент, когда он из ботинок перебирался в тапочки. Осколки были молчаливым укором наследства.

Тётя заботилась о Яше, берегла его хрупкие руки. Говорила, что эти руки – его хлеб, музыка – хлеб. И потому потолок ему заделывал дядя Соломон, тётиритин деверь, который все равно им что-то был должен. Тётя по настроению в шутку называла его «левир» или «явам», а Яша с детства переименовывал «левир» и «явам» в «ливер» за любовь дяди Соломона к ливерной колбасе и в «тынам» за постоянную помощь с тетиными «ремонтами».

– Ну не сидеть же тебе под голой лампочкой, право! – всплеснула руками тётя, когда ремонт был завершён. И с ее антресолей был извлечен и разогнут старый абажур. Когда Яша увидел кособокий выцветший абажур впервые, его посетила мысль, что под голой лампочкой ему было бы куда уютнее.

*****

Евреи в концертных залах играли на больших музыкальных инструментах. Чем меньше был еврей, тем больше инструмент, чтобы потом долго тащить чехол на себе через все переходы метро, по всем лужам у троллейбусных и трамвайных остановок – как гроб для собственной гордости. А потом дома, на кухне получить венец бульонного запаха и тарелку клёцек в супе без курицы – за гений, за труды.

Гениями не становятся. Гениями рождаются.

Гениев будят по утрам словами «вставай, сынок, мой гений», а также словами «ну и ты, Яша, вставай».

Гений вырастает в коммунальной квартире, в трёх тетиних комнатах, где шум радиоприемника заглушает человеческие голоса, под присмотром дяди, тёти и сердобольных соседей, среди старших более гениальных двоюродных братьев, гения всегда засмеивают и ему на тарелку складывают из ухи глухонемые рыбы головы с белыми мёртвыми глазами.

Исчезающие евреи

У его тётки было два сына.

Потом один пропал без вести.

Другой пропал с вестью. Весть пришла двумя годами позже его исчезновения, из Израиля. Сын очень извинялся и говорил, что в Питер больше никогда не вернется.

Живые евреи

Тётя Рита, женщина с очень пышным бюстом, с фигурой конусом вверх и важным лицом, которая прежде к Яше оставалась совершенно равнодушной, после исчезновения сыновей яро взялась за его воспитание. Чтобы не пропал хотя бы один мальчик, пусть и не совсем свой.

Яша побаивался тётки, пока дядя Лёва не объяснил ему, что этой женщине не важен был смысл слов, ей важна была только интонация: если нежно попросить её свернуть горы, она пойдёт их сворачивать. И бережно, со всей ответственностью, свернёт!

Дядя Лёва был высокий и большой, и над Яшей всегда возвышался.

У дяди Лёвы были интеллигентного вида торжественные уши. Уши как уши, но что-то в них было такое... торжественное. Какой-то особый изгиб и, конечно же, цвет. Цвет такой, будто у хозяина ушей каждый день был днём рождения или будто бы его ругали с завидным постоянством. А тётя Рита, надо сказать, никогда не скупилась на ругательства.

Лицо у дяди Лёвы, как и весь он, было большое, как географическая карта. В морщинках, как в меридианах. Лысина на Северном полюсе. Нос – мыс Челюскина.

Два этих человека заботились о Яше как могли. Выбирали хорошую школу, хорошую музыкальную школу и даже хороший музыкальный инструмент. Всегда провожали. Водили в музеи и в кунсткамеру, где Яша отставал от экскурсии, чтобы покататься на войлочных тапках, в театры и в кино, где номерки из яшиных рук падали совершенно случайно. Водили и в зоопарк, где Яша жалел всех зверей. Особенно он жалел маленького серого волчонка, сидевшего в дальней клетке. Волчонок был совсем один. Куда пропала его мама, большая серая волчица? Куда делся его волк-отец? Ушли в зимний лес, оставили на снегу две тонкие веревочки следов, а потом завывала метель, заходили ходуном сосны, заухали совы, следы замело, волк и волчица попали за красные флажки. Красных флажков надо бояться – из-за них никто никогда не возвращается. И волчонок остался один, маленький, добрый и глупый. Его ещё не успели научить быть злым, и потому он так легко и преданно подошёл к тем людям, которые на всю жизнь заперли его в тесной зоопарковской клетке.

В ночь на ро-ходеш¹ волчонок долго и протяжно выл, отчего на Аптекарском острове просыпались все приличные люди.

Тётя Рита и дядя Лёва держали булочную.

Маленькую и скромную, но невероятно плодовитую. Люди к ним с утра стояли очередями, и дядя Лёва только и успевал выдавать в протянутые руки горячий чёрный и тёплые сайки.

Теперь, когда Яша жил отдельно, они всегда давали ему свежий хлеб. Нет, не бесплатно, за кого вы нас принимаете! Зато только что из печи (всепобеждающее «зато»!) – и укутывали его в шерстяной платок, чтобы по пути хлеб не остыл. Очень заботливые.

– Ну, мы же родственники, – жмурились они, улыбаясь.

Иногда они отдавали ему хлеб даже совсем бесплатно (но в этом случае – чёрствый).

Тётя Рита теперь всё чаще говорила: музыка – твой хлеб. А перед знакомыми: музыка – яшино призванье. Если сложить все элементы, то выходило, что яшино призванье – хлеб. Таким недвусмысленным образом тётя намекала на то, что и Яше не помешало бы поработать в булочной.

---

¹ Ро-ходеш – «голова месяца» – каждый первый день лунного календаря.

Когда

Тётя Рита никогда не могла спокойно смотреть на праздное детское времяпрепровождение, на поездки по комнате и по дорожкам сада на деревянной лошадке (у которой, впрочем, от лошадки была только голова, остальным же телом её была старая тётина швабра), и посему обучала его грамоте, чтению, письму, и в школу он пришёл всезнающим, ничем не интересующимся. Зато дома с тётей Ритой они стали проходить иврит и мёртвый язык латынь. Иврит был скучный и непонятный. А латынь не дышала. Даже в самом её названии, ему казалась, была зашифрована бледность и беззвучие замершего над могилой мраморного ангела, гладкое лицо которого всегда хочется потрогать. Яша думал, что на мёртвых языках общаются с мёртвыми и потому, приходя, ведомый за руку, на кладбище к маме или другим родственникам, говорил с ними шёпотом, нагибаясь совсем близко к земле, на латинском языке.

– Ave, Caesar, morituri te salutant, – так он сказал памятнику прадеда, когда они с тётей дошли до изучения построения предложений и в пример она приводила крылатые фразы.

Дядя Лёва спал, как мёртвые, головой на запад. И Яша поначалу решил, что к нему тоже нужно обращаться на мёртвом языке. Тётя смеялась, а дядя просыпался от ужаса, чертыхался и просил научить мальчика чему-нибудь путному.

Вот тогда Яшу и решили учить музыке. Дядя и тётя взвесили все против и за и методом естественного отбора выбрали за племянника его дальнейшую судьбу: они решили, что он будет играть на струнном музыкальном инструменте.

Во-первых, скрипка (а они думали, что это будет скрипка) занимает совсем немного места.

Во-вторых, к скрипке (!) прилагается нарядный чехол.

В-третьих, скрипка красиво звучит, и, когда тепло, можно пикировать на ней на балконе, чтобы порадовать (здесь вовсе не злой, подчёркиваю, не злой смех тёти) соседей.

В-четвёртых, мальчик сам сможет донести инструмент до музыкальной школы.

Далее следовали в-пятых, в-шестых, в-седьмых, в-одиннадцатых и в-двадцать-первых.

Но когда подошло время учёбы, тётя добыла виолончель б/у.

– Да, это не скрипка, – сказала она на вопросительный взгляд мужа, – но зато почти задаром.

Но не стоит об этом. Зачем лишний раз рассказывать об экономии экономной женщины, даже коврики делавшей из старой рогожи?

Когда Яша был маленьким, он не мог сам нести виолончель. Её униженно несли за него. Дядя или тётя. Другие дети бежали мимо со скрипочками.

Он всегда мечтал играть на рояле (в первую очередь, потому, что тогда ничего не надо было бы носить с собой и, соответственно, отпала бы необходимость в сопровождении тёти и дяди, во вторую – рояль был красивым и величественным, и ещё у него были дивные клавиши, похожие на немного щербатую улыбку). Но дядя и тётя строго запретили, сказав, что рояль занимает слишком много места. Яша уверял их, что для занятий дома подойдёт и пианино, но тётя Рита вспоминала, как разучивал гаммы её младший брат, и у нее тут же продолжительно заболела голова. И начинала болеть каждый раз при разговоре о клавишных.

Он был маленький, потому что всё детство тётя Рита одевала его в одежду и обувь ровно по размеру. Мальчики, носившие вещи на вырост, становились высокими и прекрасными широкоплечими красавцами. Тётя Рита же снабжала его одеждой, не располагающей к росту. А делала это она по причине того, что была знакома с мамами и тётями опрятных чистеньких

мальчиков (с мамами неопрятных мальчиков она не общалась), которые быстро росли и после которых Яша донашивал ботиночки, штанишки и рубашки (за одним мальчиком донашивал и свою первую виолончель).

Вот потому привычка к чужой обуви в нём выросла и пустила корни. Яша приручал (приножал?) чужую обувь. Покупая её, еще диковатую, нелюдимую, боящуюся потных ступней, бережно приносил он её домой и трепетно мыл над раковиной. А потом шёл гулять привычной своей дорогой, и ангел со шпиля, как старый приятель, будто даже махал ему рукой: что, мол, новые ботиночки?

За всю жизнь у него не было ни одной своей пары.

Яшино детство проходило под двумя сменяющимися друг друга знаками: смычок и градусник. Если их скрестить, то будет похоже на герб.

Когда Яша не сидел в третьем этаже музыкальной школы, сосредоточенно пилякая и оттачивая искусство уныния, он лежал дома с жуткими температурами, ангинами, бронхитным кашлем или заложенным носом. Иногда со всем сразу. Лежать было скучно, спать не хотелось, и Яша просил тетю читать ему книги. Тётя прочла все, что у нее было (включая несколько совершенно вульгарных недетских любовных романов и энциклопедию насекомых СССР), после чего не представляла, чем порадовать ребенка.

Решение было найдено в лице зеленого опять же б/у попугая Гоши, слепого на один глаз, и тут же увенчало собой прикроватную тумбу. Гоша смотрел на Яшу одним удивленным птичьим глазом. Яша смотрел на него сквозь пушистые ресницы. Тётя Рита занималась своими делами, радуясь, что не нужно идти сквозь метель и пургу в библиотеку за новой книжкой.

Когда Гоше пришло время умирать, он чудеснейшим образом исчез. Вылетел в окно – по словам тёти.

Яша вечерами изводил всю имеющуюся в доме бумагу на объявления: «Потерялся попугай». Заодно изводил и тётю. А за расход бумаги получал от дяди. Вместе с ним, соответственно, получала и тётя.

Потерялся попугай. Зелёного цвета.
Отзывается на кличку Гоша.
На все вопросы отвечает «сам дурак».
Просьба вернуть.
За вознаграждение.

Яша готовился отдавать все, что попросит тот счастливец, который нашел попугая. А дядя Лёва и тётя Рита, переговариваясь шепотом на кухне, говорили, что это объявление похоже на некролог.

Когда от Яши хотели добиться абсолютного послушания или когда он был уличён в какой-либо провинности, дядя и тётя вдвоём ложились на одну кровать, складывали одинаково руки на груди и говорили: мы умерли. Яше было семь лет.

Два сына тёти и дяди к тому времени успешно (и радостно) пропали.

У Яши к тому времени было на счету достаточно умерших родственников.

Мёртвые евреи

Евреи умирали на белых жиденьких простынях. Евреи умирали, падая на старые паркетные полы. Евреи умирали, как умирают многие другие люди. Но почему-то Яше умирающие евреи неизменно приходились дальними или ближними родственниками, что говорило, однако, в пользу пусть небольшой – но – обеспеченности. Родственники оставляли в наследство ковры, книги, мебель, а иногда даже деньги и один раз – серебряные часы.

Идти на похороны было для Яши что-то такое же, как для других людей идти на работу.

Яша носил чёрное пальто, пропахшее похоронами. И рубашки, по многу раз зашитые возле сердца. И да, серебряные часы тоже носил. Правда, иногда по вечерам ему было страшно в них возвращаться домой. Мало ли какие ещё приличные люди живут на Аптекарском острове.

Яша вырос на кладбище.

Мама умерла, как только он родился. И потом он всегда видел ее фотокарточку только на памятнике. В тётиных фотоальбомах он не мог найти её ни на одном снимке, и могила была как будто единственным доказательством того, что его мама – настоящая земная женщина, которой просто случилось умереть молодой. Для тёти, дяди, других родственников и многочисленных знакомых – яшиной мамы будто бы не существовало. В разговорах о ней никогда не упоминали. И даже в поминальные дни к ее могиле шли молча. И Яша, чтобы не скучать, про себя считал шаги: сто двадцать семь шагов до бюста старого профессора, четыреста три – до гранитного памятника в форме сердца, пятьсот семьдесят девять – до поворота. А потом он узнал, что о покойных надо говорить либо хорошо, либо ничего не говорить вообще. *De mortuis aut bene, aut nihil*. А раз о маме не говорили хорошо, выходило, что её не любили. От этого Яша начинал любить её с ещё большей силой. И ему нравилось приходить к ней и разговаривать с ней на латыни. Он рассказывал ей стихи, которые они разучивали с тётёй накануне, и дарил букетики цветов, набранных им по дороге.

Иногда ему казалось, что она стала призраком и живёт среди тех бледных фигур в Летнем саду. И те, за решёткой сада, несомненно, призраки. Они появлялись весной и прятались в аллеях. Когда тётя, дядя и Яша вечерами возвращались пешком из гостей, Яше казалось, что фигуры медленно движутся среди тёмной листвы: за поворотом мелькала пятка, над кустом виделся взмах руки, в тёмной аллее слышался смех – или это только лёгкий ветерок с Невы тревожил листья? И он думал: там и мама, где-то на этих длинных тёмных аллеях, гуляет вместе с ними, смеётся, ведёт беседы...

Когда он стал старше, он решил, что мама походила на статую Ночи. И на фотографии на памятнике лицо ее было белым-белым, совсем как у статуи.

Яшин отец оказался неблагонадёжным (тётин лексикон) и куда-то исчез сразу после смерти яшиной мамы. Кажется, с парикмахершей Норой. Но тётя так часто говорила о нём «чтоб он сдох!», что папа Яши, наверное, действительно долго не продержался.

Яша помнил первую увиденную им смерть.

Помнил, как дед лежал в просторной комнате на столе. Глаза деда были покрыты большими старыми монетами. Других странностей за ним не наблюдалось. Яше сказали ни в коем случае не трогать монеты, не то у деда глаза откроются. Хлоп! Нет-нет, следовало срочно положить монету обратно.

Дед увлекался нумизматикой. Даже в последний путь его сопроводили эти две большие монеты. Все остальные, бережно разложенные по специальным альбомам, достались Яше

в наследство (и спустя годы, в голодные времена, когда так надолго задерживали зарплату, что люди были готовы снова варить суп из обойного клейстера, Яшу эти монеты кормили не один месяц).

После похорон ему запретили надевать кожаные ботиночки, запретили неделю выходить из дома и сидеть на стульях. Сидеть можно было только на полу. Это было обидно и низко. Получалось, что смерть – это сплошные обиды и унижения.

Дворник жил. Дворник жив. Дворник будет жить

– Всякий жидок знай свой шесток, – грубил дворник, сметая утреннюю пыль Яше на штанины.

Тётя, зная о многочисленных превратностях судьбы, в детстве учила Яшу обходить клумбы по тротуарам. В этом была некоторая дотошность, но иначе ходить он уже просто не мог. Хотя даже это не могло заставить дворника относиться к нему с уважением.

Иногда при виде Яши дворник смачно сплёвывал.

Яша при виде дворника тоже хотел смачно сплюнуть, но был не так воспитан и поэтому крайне вежливо здоровался.

По городу его несло ветром, и он едва успевал перепрыгивать через лужи. Порой казалось, что он отрывается от земли и летит, маленький и невесомый, в легком не по погоде пальто.

Он прятал в шарф заостренный с классической горбинкой нос, но со стороны всегда казалось, что он гордо носил и еврейский нос, и волосы, всегда лежащие по-концертному – назад, и тонкие поджатые губы, и темные глаза с большими веками и пушистой гребенкой ресниц.

– Гордись, дорогой, гордись тем, что ты еврей, – всегда говорил ему дядя Лёва.

А ему всегда, каждый божий день, было неловко за своё происхождение.

*****

Виолончель была единственная, кого он нежно, опустив веки, мог обнять за талию, помогая ей спастись в толчее на пересадке в метро. Она была единственная, кто без него, без его любви – просто не мог жить. У неё была всего одна нога, она даже не могла без яшиной поддержки стоять. Несчастливая, в смраде канифоли, дожидалась его каждую одинокую ночь в одёжном шкафу, и только хрупкие вешалки подставляли ей плечи, и только лёгкие рукава с бережно заштопанными локтями утешали её в призрачной нафталиновой мгле. Милая, милая девушка из скрипичного семейства, басо-тенорового регистра.

*****

Больше всего он боялся влюбиться. Такой маленький, такой некрасивый, да ещё и вдобавок еврей.

И, конечно же, влюбился.

У него не было денег на цветы, не хватало слов на комплименты, не хватало мужества на поступки. Как в нем душа держалась – неясно. И тут ещё – такая неприятность!

*****

В день рождения тёти Риты дядя Лёва и Яша были обязаны трудиться не покладая рук. Тётя же Рита наоборот – церемониально, будто царица, позирующая для портрета, складывала руки и следила за их работой. Полы блестели, залежи хрустала были извлечены из серванта и не то что блестели – сверкали, накалялась плита, бурлило в кастрюлях, нарезались салаты, отглаженная скатерть белела парусом.

Потом начинали возникать гости. Смеющиеся и говорливые, они рассаживались вокруг стола, пока не подозревая, что под шубой скрывалась от глаз куца позорная селёдка. Как будто надеялась, что ее никто не заметит и вовсе. А под салфеткой притаился обветренный хлеб, нарезанный по приказу тёти. Имелись также конфеты «Раковые шейки» в вазочке с трюфелями, морщинистые маринованные помидоры, стыдливо прикрытые усами укропа, неудачно сложенные салфетки (потому что дядя Лёва, в конце концов, не барышня, чтобы уметь всё такое делать! – и салфетки за него складывал Яша, как умел, а умел он плохо). Тётин стол как будто был задачей на внимательность: ребята, а какие еще кулинарные промахи спрятались на этой трапезе?

Знакомые тёти Риты, завидев силуэт Яши далеко на кухне, наперебой начинали предлагать своих дочерей ему в невесты. Потенциальные невесты, между прочим, сидели за этим же столом и смущённо жевали, краснея до кончиков ушей, когда родители расписывали все их воображимые и невообразимые достоинства тёте Рите и дяде Лёве.

Но тётя Рита знала всех этих дочерей – не красавицы (варианты: не умницы/давно не девушки/залежалый товар), и всех этих друзей знала – не богаты.

После приготовления стола Яша, наевшись колбасных и апельсиновых обрезков, спешил отбыть на репетицию в филармонию.

Тётя Рита напутствовала зайти по дороге домой снова:

– Яшенька, ты таки зайди потом. Будут объедки.

*****

В филармонии ему как-то раз предложили сходить на свидание.

– Ну и что, что второй тромбон? – говорили они. – Зато лёгкое дыханье!

У второго тромбона были узкие губы и хитрый женский глаз. Талия второго тромбона, обтянутая платьем в маленький тесный цветочек, не поддавалась обхвату с такой лёгкостью, как талия виолончели. Он пригласил второй тромбон в кафе и долго кормил пирожными, до тех пор, пока не опустел его тощий кошелёк. Потом он провожал тромбон до дома и глядел, как во все лужи без разбору ступают красные тромбоновые туфли сорок четвёртого размера.

Тромбон чмокнул его в щёку под одной из влажных арок колодезных дворов и скрылся в смрадной тьме подъездной пасти.

Яша отправился домой пешком, где в прозрачной пузатой банке обнаружил кончающую перловку, а в хлебнице – корочку чёрного, и понял, что до полочки истощится, как и его тощий кошелёк.

В бесстыжие глаза тромбона он больше не глядел. А тромбон громко смеялся и показывал трём скрипкам новые – синие – туфли на изящном каблуке. Яша смотрел на туфли и представлял, как под тромбоном оба каблука с хрустом ломаются.

Потом Яшу познакомили с экстравагантной дамой, которая играла на саксофоне в джаз-бэнде, выступающем в ночных кафе. Она соглашалась только на поздние свидания. Яша, как дурак, поднимался по будильнику в два ночи, собирался и брёл по собачьему холоду дворов куда-то в центр, чтобы встретить её после работы. Поднимал воротник, когда задувало с Невы, ускорял шаг, когда слышал стук ботинок за спиной, пугался вытягивающихся под редкими фонарями теней и внезапно появляющихся из-за поворота такси и прижимал к груди зонтик.

Чудища выглядывали изо всех щелей, смотрели узкими жёлтыми глазами, громко топал ногой, похожей на слоновью, кто-то большой в гулких арках, гладил по затылку костистой рукой с длинными коготками на перекрёстках, в скверах хватал за рукав, так что хотелось только выдрать рукав и бежать, бежать, спотыкаясь о щупальца в темноте. И любой встречный

приличный человек, если он был в шляпе, представлялся Яше Фредди Крюгером, а если он был со свёртком – то обязательно с бензопилой.

Дама ждала его, стоя на мокром асфальте, в котором отражались вывески и фонари (если таковые имелись). Ничего она не боялась и сама как будто была одной из ночных созданий и, может быть, даже была знакома с Дракулой.

Яша издали узнавал её угловатую фигуру. Ноги её были скрещены, меховой жакет терял шарм под морозящим дождём, сигарета в мундштуке тухла, и прокуренный голос звучал ему навстречу:

– Опаздываешь, милый.

И они шли в какое-нибудь ночное заведение и заказывали только дорогую выпивку. И Яша виновато вспоминал тётю Риту, которая возвещала, что пить плохо, когда им по второму разу делали: ему – Кровавую Мери, а ей – Маргариту.

Они никогда не говорили, говорила только она.

Она утверждала, что искусства давно нет, искусство умерло, и всё держится теперь на одних лишь отголосках прошлого.

Яша старался скрыть зевоту и накатывающую дрему, и со стороны могло показаться, что он согласно кивает.

С этой дамой он быстро завязал, как завязывают подростки с вредными привычками.

А однажды его свели с тубой. У неё были такие губы, такой странной формы губы, которые как будто всегда были готовы к поцелую. И пошлая родинка над ними. Одинокая родинка, родинка-одиночка.

Из невероятно вьющихся волос она делала неаккуратный пучок, на худое, как струна, тело надевала однотонное чёрное платье и готовила пирог с малиной.

Он приносил ей коробку конфет, она приводила его на куцую кухоньку и писклявым голосом говорила:

– Ну, давай будем пи-иить ча-аай. А теперь давай будем есть мой традиционный пи-иирог. С ма-аалииинной.

Надо сказать, такие пироги она приносила на все праздники. Надо сказать, пироги у неё всегда были невкусные. Из года в год.

А потом фортепьяно, гобой, вторая виолончель, кларнет и треугольник придумали про него злой стишок, который заканчивался так:

Целуется с тубой,
Конечно же, в губы!

Туба кривила в ухмылке те самые г-у-б-ы и со всем соглашалась. А он всё оспаривал, но безуспешно, и отказывался обедать с ними в столовой, и уезжал домой на трамвае, стараясь не слушать, как в спину ему скрипит какие-то гадости скрипка.

Бездушные духовые тоже всенепременно хотели познакомить Яшу с женщиной его мечты. Это даже превратилось у них в игру. Находили карлиц, великанш, лягушек с косами, походившими на крысиные хвосты, косых, хромых и одноруких, привели несколько синих чулок, один раз – мужеподобную укротительницу тигров из цирка. Но никто, никто из оркестрантов ни разу не привёл обычную симпатичную девушку.

*****

Снег приходил ночами. Тихий, крался подворотнями.

А утром было белым-бело, меж белых домов по белым улицам пробирались к метро сквозь снежные заносы люди, в скверах воробьи уныло улетали от занесённых кормушек, а под белыми деревьями гуляли памятники в снежных шапках. Матерились дворники, доставали большие лопаты, жаловались друг другу:

– Валит и валит, валит и валит. Откуда что берётся?!

– Скорей бы весна. Может, затопит весь этот город к чёртовой матери, и тогда и подметать больше никогда не придётся.

Белизна снега напоминала Яше, что нужно купить белизну и прокипятить рубашку.

Приходила зима, приходил снег, приходил Яша – в магазин за белизной. Не приходила только любовь...

Совершенство случайности

Это была совершенная случайность.

В один снежный день Яша забежал на пару минут к тётё и дяде. Именно в этот же час, даже нет, в эти же пару минут должны были зайти тётя Роза с племянницей по пути на балет. Но зашла одна тётя Роза, шумно охая, топая и стряхивая хлопья снега с облезлого мехового воротника.

Яша никогда не интересовался балетом, ему скучно было наблюдать за мужчинами в трико и женщинами в пышных пачках. Когда тётя Рита насильно выводила его в детстве на «Щелкунчика», он пересчитывал ноги в пуантах, устало мусолил программку, дремал, ронял номерок. Он и теперь не мог отличить Одетту от Одиллии и предпочитал наблюдать за действием с закрытыми глазами: тогда можно было разобрать среди привычной музыкальной лаконичности еле слышный на балконах стук ног танцоров по подмосткам.

Так вот, на балет он попал по причине совершенной случайности. Случайность и звали как раз тётей Розой, и она была подругой тёти Риты. Безусловно, тоже по случайности, безо всякой задней мысли тётя Роза купила два билета на «Лебединое озеро», для себя и своей племянницы. Но племянница нечаянно заболела какой-то там скарлатиной и бесповоротно слегла.

Тётя Роза возмущённо махала своей палкой, поминая племянницу. Заболела, видите ли! Какое неуважение к старости!

Билет пропал! Билетом теперь нужно было спекулировать возле входа, вечером, на холоде, в лапах лохматой метели. Тётя Роза, мысленно содрогаясь, уже представляла, как скачет она по ступенькам маленькой нахохлившейся птицей, когда тётя Рита предложила ей в эскорт Яшу.

Тётя Роза, конечно, звала с собой саму тётю Риту, но разве решилась бы тётя Рита оставить булочную на дядю Лёву?! Дядя Лёва всё спалит! Поэтому иди, Яшенька, дорогой!

Тётя Роза после смерти мужа постарела лет на десять. Соответственно, выглядела она на все сто – застенчиво шутил про нее дядя Лёва. И Яше, конечно же, было неловко подводить одинокую столетнюю старуху.

И он был вынужден ехать с тётей Розой на трамвае, ведя какой-то пустой разговор о погоде, вынужден был подать ей руку при посадке, а потом идти с ней под ручку сквозь метель, сквозь колючую уличную вьюгу, придерживая тётю за локоть на поворотах. Тётя Роза двигалась очень тихо. Сначала она переставляла клюку, потом – перемещала себя. Двигалась тихо, но была при этом очень громкой. Она кричала ему что-то на ухо именно в тот момент, когда мимо них проезжал какой-нибудь транспорт, и Яша всё равно не мог разобрать, его оглушало. Яша шурился в метельной пыли, стискивал зубы, прятал покрасневший нос в поднятый воротник. И жалел, что согласился, и жалел, что забыл перчатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.